

УДК 94(470) «19»

О.Н. Катионов

**УЛАЛИНСКОЕ ЗЕМЛЕОТВОДНОЕ ДЕЛО 1899–1915 гг. КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ с. УЛАЛЫ И ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР**

Рассмотрено землеотводное дело как источник для изучения социальных взаимоотношений власти и населения в период землеустроительной политики на землях Кабинета.

Ключевые слова: землеустройство, оседлые и кочевые алтайцы, крестьяне и мещане, землеустроители, томские губернские власти, прошения, жалобы.

Интерес к аграрной политике и взаимоотношениям власти и населения Сибири в области землеустройства не ослабевает [1. С. 49–53]. «Материалы по отграничению земельного и лесного наделов села Улалинского Улалинской инородной управы Бийского уезда Томской губернии» включают большое количество документов, регулирующих земельные правоотношения в локальном районе Горного Алтая, на базе которого возник в будущем город, имя которого в настоящее время Горно-Алтайск. История людей, живущих в этом городе, включает несколько сюжетов, одним из которых является дореволюционный. Уже известна история становления духовной миссии, заселение местности кочевыми алтайцами, приход в село Улалу крещеных телеутов из Кузнецкого округа, осевших здесь, стягивание вокруг них южных алтайцев, переход их к оседлости с одновременным сохранением частью населения Улалинской волости кочевого образа жизни, приселение к коренным переселенцев из русских крестьян и мещан, выходцев из сибирских и европейских округов и уездов. Они несли с собой земледельческую культуру, одновременно обогащались способами ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства местных аборигенов.

Немаловажным сюжетом является связанная с основой жизнедеятельности улалинцев земельная история, то есть история того, какими правами на землю обладали предки современных горожан. Архив республики в г. Горно-Алтайске имеет несколько десятков дел, связанных с политикой землеотвода, т. е. землеустройства. В этих делах фактически скрыта социально-экономическая история нашей республики. В них имеются не только материалы, связанные с работой землеустроителей, которым в непростых условиях конца XIX – начала XX в. пришлось решать вопросы удовлетворения земельных интересов оседлых, кочевых, приписанных и неприписанных жителей селений

предгорного и горного Алтая, в частности, жителей села Улалинского, трех улалинских поселков, женского монастыря, причта двух церквей и двух школ.

Из дела, которое представлено читателям, можно узнать об их предках, которым сто лет тому назад пришлось вступать, как сейчас говорят, в отношения социального взаимодействия: писать прошения, жалобы, принимать общественные приговоры, вести переписку. Мы узнаем наиболее активных членов сельских обществ – доверенных от оседлых и кочевых алтайцев, официально именовавшихся инородцами, старост сначала Быстринской управы, а после отделения от нее – Улалинского оседло-инородческого общества, а также сельских старост Уалалы. Их оппонентов – землеустроителя Федоровского, старшего землеустроителя, лесничего округа, землеустроителя по лесной части, крестьянского начальника третьего участка Бийского уезда, полицейского урядника, чиновников Алтайского округа, Общего присутствия Томского губернского управления и департаментов Сената. Более всего нам будет интересно узнать многие имена и фамилии жителей села Уалалы, которые были предками ныне здравствующих потомков.

Изучение истории земельных правоотношений на Алтае имеет солидную исследовательскую базу. Не будем вдаваться в подробное перечисление всех работ по данной теме. Мы включили их в список литературы. Однако обратим внимание читателей на то, что история этого вопроса охватывает огромный регион, оставляя, за некоторым исключением, локальную историю, в частности, населенных пунктов, особенно Горного Алтая, где переплетались интересы разных этно-социальных групп русских и алтайцев. Политика коронной власти и Кабинета по отношению к переселенцам и коренным жителям была достаточно взвешенной, учитывала сложившееся положение и менявшуюся обстановку.

Материалы Улалинского дела интересны тем, что здесь осуществлялась политика землеустройства еще до начала Столыпинской реформы, связанной с переселением и землеустройством, а затем захватывают и время самой реформы. Однако документы свидетельствуют в значительной мере об общинном, а не хуторском и отрубном наделении алтайцев и русских крестьян земель. Незначительная часть документов относится к хутору Улалинскому. В последние годы в исследовательской литературе оценка мероприятий столыпинских землеустроителей становится более объективной, чем это было в советское время. Так, М.В. Шиловский считает, что коронная власть регулировала землеотвод таким образом, чтобы не нарушать права коренного населения – алтайцев. Им приводится листовка-объявление 1908 г. томского губернатора К.С. фон Нолькена следующего содержания: «Томский губернатор по соглашению с Переселенческим Управлением и Кабинетом Его Величества сим сообщает во всеобщее сведение, что ввиду отсутствия свободных земель в Горном Алтае и неразмежеванности земель, занятых кочевниками и прочим населением, означенный край закрыт для переселения. Поэтому прибывшие в этот край переселенцы предупреждаются, что им ни отвода земельных участков, ни сдачи земель в аренду производиться распоряжением Правительства не будет, а все ходатайства по этому предмету будут оставляемы без последствий. Самовольные захваты будут преследоваться по закону» [2. С. 23]. Документы нашего дела свидетельствуют, что коронная власть в этом вопросе лавировала и вставала на сторону кочевых алтайцев. Например, при наделении кочевых земельным наделом. Правда, размеры земельных наделов в связи с наплывом русских крестьян и мещан уравнивались. Не удалось в Улале реализовать закон 1896 г. и правила 1898 г. «О поземельном устройстве крестьян и аборигенов на казенных землях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний», а также непосредственно распространенное на крестьян и инородцев (оседлых и кочевых) Алтайского округа специальное положение 1899 г. о наделении в размере 15 десятин земли на наличную душу. В Улале после землеотвода на душу приходилось чуть больше 10 дес. земли. Поэтому власть ограничивала наделение земель непричисленное население, имевшее местожительство в Улале, или совсем отказывала им в этом. Всего же в Томской губернии «непричисленных» на 1 июня 1910 г. насчитывалось 224 000 душ м.п., большая часть из которых находилась на Алтае [3. С. 102–105]. Если находились резервы во владени-

ях Кабинета, то Томское губернское управление только приветствовало решения Министерства императорского двора о дополнительном наделении улалинцев землей из фондов Кабинета. Локализация исследований по землеустройству позволяет уточнить некоторые выводы предшествующих работ, ввести данные, приводящие к новым результатам.

Материалы охватывают период с 1899 по 1915 г. При подготовке дела № 2 Ф. Д-5 мы обратили внимание на то, что в нем отсутствует около 300 листов, потому что современная нумерация листов охватывает 457 листов, а первоначально в нем было 758. Теперь трудно ответить на вопрос, куда пропали остальные. Но по ходу чтения материалов дела становится ясным, что оно постоянно находилось в работе, т. е. часть листов из него отправлялась по инстанциям, должностным лицам для ознакомления, часть возвращалась. Какая-то часть материалов, видимо, была утрачена безвозвратно, а другая обнаружена нами в другом деле. Те материалы, которые сохранились, являются уникальными для истории Горно-Алтайска и Сибири в целом, так как помогают понять позиции многих участников реализации политики землеустройства в разное время на протяжении 15 лет. Поиски дополнительных сведений по этому делу не завершаются улалинскими материалами. Явно сохранились сведения в Барнауле – центре Алтайского округа, в губернском городе Томске. Было бы полезным пополнить историю Улалинского землеотвода материалами из этих архивов.

В Улалинском землеотводном деле 1899–1915 гг. наряду с другими делопроизводственными документами встречаются прошения и жалобы жителей селения Улала. Они являются важным источником для исследования отношений по вопросам землеотвода между разными группами населения села: оседлыми инородцами, пришлыми русскими крестьянами, приписанными к данному оседло-инородческому улалинскому обществу, неприписанными крестьянами и мещанами, кочевыми инородцами и представителями власти: землеустроителями, крестьянскими начальниками, служащими Министерства императорского двора – Кабинета Его Императорского Величества: главным землеустроителем Алтайского округа, начальником Алтайского округа, лесничим, чиновниками Томского губернского присутствия, сельской и волостной администрацией с. Улалы.

Главная проблема взаимоотношений – землеотвод улалинскому оседло-инородческому обществу, выделение из его дачи отрубов или «платов» для трех улалинских поселков, оседлые кре-

стьяне-инородцы которых пожелали выйти из состава сельского общества с. Уалалы и выделить собственный земельный пай, а также проблема наделения земель кочевых, которым полагалось по законодательству тоже выделение отдельного пая в соответствии с подушевой нормообеспеченностью земель для всех земледельцев, под которыми понимались и скотоводы, т.е. земельно-скотоводческого по сути хозяйства.

Прошения и жалобы подавались уполномоченными каждой группы жителей с. Уалалы вышестоящим структурам власти, соблюдалась при этом соответствующая иерархия. Если прошение или жалоба не находили положительного решения для ходатаев, то они имели право обращаться в вышестоящие инстанции, вплоть до департаментов Правительствующего Сената. И жалобы уполномоченных находили решение в вышестоящих органах. Положительное либо отрицательное. Например, земельно-устроительная комиссия по землеотводу в селе Уалалы возвратила землеустроителю Федоровскому на пересоставление проект акта землеотвода крестьянам села Уалалы и соответствующий земельный план из-за того, что он проигнорировал право кочевых инородцев разных алтайских кочевых родовых управ, дючин и волостей, имевших постоянное место жительства и ведших свое кочевое хозяйство на территории Уалалинской волости. Департамент Сената в 1909 г. по жалобе уполномоченных или доверенных от кочевых инородцев с. Уалалы отменил решение общего присутствия Томского губернского управления о землеотводе с. Уалале земельного надела по формальным признакам, которые выражались в том, что крестьяне и мещане, приписанные к Уалалинской волости, не подали письменных индивидуальных прошений о включении их в состав сельского общества для занятия землепашеством и скотоводством, т.е. хозяйственной деятельностью. А коллективные приговоры, представленные их уполномоченными, не принял во внимание. Естественно, что жалобы подавались с целью либо исключить конкурентов на землю, используя формальные приемы, либо добиться у властей выделения за счет Кабинета дополнительных земельных площадей с целью увеличения душевой нормы земельного пая, так как просители хорошо помнили и понимали, что нормой душевого надела еще несколько лет тому назад было 15 дес. земельного и 3 дес. лесного надела. А после того, как к оседло-инородческому обществу были приписаны переселенцы из крестьян и мещан, норма душевого надела упала до 10 дес., чего явно не хватало для ведения скотоводческого хозяйст-

ва, так как по большей части и алтайцы, и русские крестьяне занимались скотоводством и в малой доле землепашеством.

В ответах Томскому губернскому управлению, необходимых для пояснения Сенату, чиновник, исполнявший обязанности заведующего землеустройством Алтайского округа, излагал историю уалалинского землеотвода и действия, предпринятые местными властями для того, чтобы исправить ситуацию, связанную с приостановкой исполнения акта по землеотводу уалалинцам из-за жалобы, поступившей в Сенат, в тех частях акта, которые, по мнению Сената, нарушали права кочевых [КПДА РА. Ф. Д-5. Оп. 1. Д. 2: Землеустроительной партии Алтайского округа «Материалы по отграничению земельного и лесного наделов села Уалалинского Уалалинской инородной управы Бийского уезда Томской губернии. 1899–1914. на 457 листах (при современной нумерации, ранее в деле было 758 листов. – О.К.). Л. 420–428 об.].

Ответы давались и по жалобам непричисленных крестьян с полным пояснением со стороны землеустроителя. Так, в копии с журнала общего присутствия Томского губернского управления, крестьянского отделения от 17 марта 1908 г. находится пояснение по поводу жалобы нижних чинов из крестьян, проживавших в с. Уалале, Степана Селезнева, Алексея Елфимова и др. на постановление поземельно-устроительной комиссии с. Уалалы, составленное старшим производителем работ Л. Масловым. Маслов пишет, что «запасные нижние чины из крестьян, проживающие в с. Уалале Бийского уезда, Степан Селезнев, Алексей Елфимов и др. жалуются на постановление поземельно-устроительной комиссии по землеустройству с. Уалалы и заявляют, что они, находясь на военной службе, неправильно были исключены из списка наделаемых по с. Уалале и что постановление комиссии не было им объявлено установленным порядком.

Из сообщенных заведующим Алтайским землеустройством, а также имеющихся в губернском управлении сведений видно следующее: из числа просителей Степан Селезнев по постановлению комиссии 9–14 августа 1907 г. по землеустройству с. Уалалы исключен из списка наделаемых, так как его занятием был кузнечный промысел. Ефим Ложкомоев не был внесен в число наделаемых, как не имевший самостоятельного хозяйства. Жалоба его была рассмотрена комиссией и Общим присутствием губернского управления 28 января 1908 г. и оставлена по журналу за № 105 без уважения. Афанасий Каргополов состоит в числе лиц, получающих надел [постановление комиссии 9–

14 августа 1907 г. и журнал Общего присутствия от 28 января 1908 г. за № 105]. Михаил Апальков при проверке списков с. Улалы не значился проживающим в этом селе и с ходатайством в комиссию не обращался, почему жалоба его в Губернское Управление оставлена без рассмотрения [журнал Общего присутствия 28 января 1908 г. за № 105]. Запасные чины: Егор Гурьев, Николай Стариков, Павел Приешкин, Алексей Елфимов, Василий Калугин, Сергей Ефимов, Тарас Алексеев, Дмитрий Малых, Николай Григорьев и Павел Лебедев в посемейных именных списках по с. Улале не значатся, и заявлений в поземельно-устроительную комиссию о наделении их земель не поступало.

Ввиду всего этого и так как акт поземельно-устроительной комиссии по землеустройству с. Улалы от 9–14 августа 1907 г. был объявлен населению 30 сентября 1907 г., а доложенное прошение подано 18 января 1908 г., т. е. по истечении срока, предоставленного законом для подачи жалоб, то посему Общее присутствие ОПРЕДЕЛЯЕТ: прошения оставить без рассмотрения, о чем и объявить просителям с подпиской и указанием порядка и срока обжалования настоящего определения через Бийское уездное полицейское управление и сообщить для сведения заведующему Алтайским землеустройством». Движение этой пояснительной записки в делопроизводстве было следующим: копия журнала за № 228 была препровождена к г. заведующему землеустроительной партией для ознакомления и приобщения к делу в г. Томск 2 марта 1908 г., а от заведующего отправлена к производителю работ Федоровскому для сведения и приобщения к делу 22 марта 1908 г. за № 291 [Ф. Д–5. Оп. 1. Д. 2. Л. 327–327об.].

Другим примером может служить жалоба в общее присутствие Томского губернского управления бийского мещанина А.М. Ситникова, проживавшего в с. Улале, от 20 октября 1907 г., в которой он писал, что «поземельно-устроительная комиссия по землеустройству крестьян и инородцев, водворившихся в Алтайском округе на землях Кабинета Его Величества, в полном составе своем, актом своим, состоявшимся 9–14 августа с. г. (пункт 4), вычеркнула меня из списков принимающих земельный надел по с. Улалинскому Улалинской управы по тем обстоятельствам, что я имею в с. Улале торговлю, а поэтому будто бы я не имею самостоятельного сельского хозяйства, подходящего по характеру к хозяйству коренного населения. Основано это мнение комиссии на показаниях доверенных от общества с. Улалы, ввиду чего последние и просили комиссию исключить

меня из списков принимающих земельный надел в числе торговцев, а что касается остального моего сельского хозяйства, подходящего именно по характеру к хозяйству коренного населения – скотоводству, то доверенные об этом умолчали; а самая моя мануфактурная торговля в с. Улале не является прямым моим занятием, а лишь занятием побочным. Прямое же мое занятие это и именно есть скотоводство, так как при своем хозяйстве в с. Улале, где я по приговору о-ва состоявшемуся 27 октября 1885 г. 25 лет, и последнее время имею 50 шт. коров дойных и 15 шт. лошадей. Состою в полном окладе податей и повинностей по селу, доход от скота поддерживает все мое хозяйство, но ничуть дело торговое, как дело побочное.

Ввиду изложенного с представлением копии приговора о-ва прошу общее присутствие томского губернского управления акт комиссии, состоявшейся 9–14 августа с. г., объявленный мне 10 сего октября в отношении исключения меня из списков принимающих земельный надел по с. Улале, отменить со всеми последствиями и внести меня в списки принимающих земельный надел по этому селу. К сему подписуюсь: *бийский мещанин Алексей Матвеев Ситников*.

20 октября 1907 г.» [Л. 310–310об., 312–312об.].

В доказательство своего права на включение в списки наделяемых Ситников предоставил копию приемного приговора улалинского общества. «1885 года октября 27 дня, мы нижеподписавшиеся инородцы Томской губернии Бийского округа Быстрянской и Комляжской инородных управ, села Улалинского, сего числа, быв на общественном сходе в присутствии старшины нашего села Павла Параева, куда заявился сузунский обыватель, проживающий в нашем селе уже года четыре, Алексей Матвеев Ситников, заявил нам словесную просьбу в том, что он желает иметь постоянное проживание в селе Улалинском и имеет домохозяйство, как и постоянный житель; наравне с нашими инородцами отбывать все натуральные повинности, за исключением лишь исправления дорог и мостов вне села; а всем исправлять дороги наравне.

Выслушав просьбу Ситникова, мы приговорили дозволить ему, Ситникову, иметь проживание в нашем селе, как бы новым и постоянным членом нашего общества, с тем, чтобы Ситников отбывал все натуральные повинности согласно его просьбы, как выяснено выше в сем приговоре, дабы он ежегодно вносил в пользу общества восемь рублей сер[ебром], в чем взяли от него подписку, которую прилагаем при копии с сего приговора для хранения при делах общества. Если он, Ситников, ока-

жется неисполнительным согласно его приговора или со стороны его последуют вредные для общества поступки, то мы будем иметь право выдворить его. Постановили настоящий приговор и подписуемся.

На подлинном подписалось 37 человек. Подлинный свидетельствовал Улалинский старшина: *Параев*.

С подлинным верно: староста улалинской инородной управы: *Софронов*. Печать. Сверял писарь: *Панов*. [Л. 311–311об.].

На копии приемного приговора на л. 311 синим карандашом записано: «приговор на проживание в с. Улале», т. е. чиновники разводили приговоры на проживание и на получение земельного надела или пая.

В рапорте 5 января 1908 г. за № 11 на имя заведующего землеустройством Алтайского округа старший производитель работ врио заведующего IV землеустроительной партией в Алтайском округе Н. Овчинников писал: «Имею честь представить Вашему Высочородию нижеследующее заключение по содержанию жалоб на постановление Поземельно-устроительной комиссии проживающих в с. Улалинском мещан... Ситников, как видно из акта поземельно-устроительной комиссии п. 4 (спор 10) исключен из числа душ ввиду того, что он главным занятием имеет торговлю. Что касается заявления его в жалобе, что главным занятием его является скотоводство, то заявление это не представляется основанием для включения его в счет, наделяемых по с. Улалинскому душ. Дело в том, что занятие Ситниковым скотоводством, как равно и мануфактурная торговля, являются составными частями одного промышленного хозяйства, которое не может ни коим образом быть отнесено к типу сельского хозяйства населения Улалы и по характеру своему очевидно несколько не подходит к характеру коренного населения. Поэтому-то я и полагал бы, что удовлетворение просьбы Ситникова очевидно противоречило бы

ст.... 136 Пол. кр. сиб. и § 16 инструкции о порядке исполнения правил 31 мая 1899 г. Приложенный к жалобе приговор (в копии) является «приемным» лишь по названию и удостоверяет только то, что Ситников проживает в с. Улале с разрешения общества» [Л. 315].

Материалы прошений и жалоб позволяют углубить исследование социально-экономической истории с. Улалы и в целом землеустроительной ситуации в Горном Алтае, выявить персоналии, занимавшиеся землеотводами, установить поименные списки улалинских жителей, их лидеров-доверенных, определить уровень обычного и формального права при решении спорных вопросов, охарактеризовать землеустроительную политику властей как формально-ответственную, потому что ни одна жалоба или прошение не были проигнорированы теми инстанциями, куда они поступали. Правда, не всегда для ходатаев-просителей или жалобщиков ответы были положительными, но формально они их получали и могли требовать решения своих проблем в более высоких сферах.

Материалы Улалинского землеотводного дела могут использоваться в учебном процессе студентами исторических, юридических и иных специальностей и направлений в вузах, при краеведческой работе, при поиске своих корней, т. е. над родословными, при написании научных работ по истории Горного Алтая, истории Сибири, локальной истории, истории семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шиловский М.В. Отводные записи как источник по истории землеустройства в Томской губернии начала XX века // Вестник ТГУ. История. 2012. № 2 (18).
2. Шиловский М.В. Столыпинская аграрная реформа и Сибирь // Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории. Новосибирск, 2008.
3. Белянин Д.Н. «Непричисленные» переселенцы Западной Сибири в 1906–1914 гг. // Вестник ТГУ. История. 2011. № 2(14).